

А.В. Манин-Уралец

**Золото
Южноуралья
Книга 4
1917-1936**

А.В. Манин-Уралец

Золото Южноуралья
Книга 4 1917-1936

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Золото Южноуралья Книга 4 1917-1936 / А. Манин-Уралец —
«Автор», 2026

Повествование о борьбе за подъем золотой промышленности после революции 1917 г., с деятельностью по восстановлению предприятий «Уралзолото» - Антоновского завода на Кочкаре, по пробивке новых шахт «Красная», «Октябрь» и других; о работе с 1926 года комбината «Кочкарзолото» и о значении функционирования его главных – «Северного» и «Южного» -рудников; о работе шахтеров, забойщиков, инженеров, руководителей производств; о социальном развитии города Пласта. А также о разработке старых шахт и россыпей в «Миасском золотопромышленном округе», работе треста «Миассзолото» с 1932 года с внедрением новой техники, электрификации и увеличением добычи драгметалла хозяйственным способом к 1936 году в 10 раз.

© Манин-Уралец А., 2026

© Автор, 2026

А.В. Манин-Уралец

Золото Южноуралья Книга 4 1917-1936

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ **ЗОЛОТАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ**

ГЛАВА I **ЗОЛОТО ДЛЯ ДИКТАТУРЫ**

Из уст в уста переходят рассказы, легенды, побасенки о том, каково бы им, удачливым старателям жилось бы богато, если бы не пришла революция Ленина в 17-м году. Их, наверное, немало этих рассказов, которые, преломляясь во времени, утрачивают, конечно, их исходную колоритность, звучности сказания, притушены чувства. Ибо между теми, кто счастье свое связывал именно с золотом — ощутимым желтым металлом и теми, кто искал счастья лишь в будущем, — эпоха великая. И нынешние расскажут обо всем том с долей иронии или усмешки, но и с понятным доверием, ибо все теперь образованы, знают, что Пласт — поистине кладовуха без дна, мало ли чего тут на ином веку не встречалось! Работали-то ведь не головой, как мы, а все больше руками, отчего бы в руки какому господину — удаче не попасть тому или иному самородку, а то и трем кряду?!..

Рассказывал так один: «Был у нас «Самородочный» прииск между Пластом и станицей Кособродской. Работал я еще вовсе мальчишкой, грузили мне на телегу песок, — золотиносный, конечно, и песок я возил к реке, где он промывался. Иду рядом с лошастью, оглянулся — блеснит! Беру. Тяжелый такой слиток на ладони моей. Что мне с ним? Я еще совсем не в почете, если кому показать, кто заступится? Тогда я вижу березку и под нее закопал. А тут она — революция. Я уехал с Урала в Россию. И вот пожилым стал и сюда возвратился с внуком; упробил его: «Поедем, внучок, покажу тебе это золото, о котором рассказывал, а найдем — будет мое тебе наследство, хоть и половину дадут за него, хоть и четверть, а все в наше время деньги, купишь себе что хочешь. Приехали мы, а березку я свою так и не нашел. Или вот еще случай один геолог рассказывал. «Хранил старатель золото в двух бутылках, золото шлиховое.

Жил он тут в Кочкаре, жил не бедно, хоть и рыл золото у себя во дворе — под столбом у ворот.

Всю жизнь тут прожил, к кладу своему не притронулс. Боялся. Когда задумал, наконец, помирать, приходит в милицию и говорит: «Сдам золото! Добровольно, прошу внести в протокол».

Где оно?

У меня под воротами.

В милиции не больно-то удивились: дело известное — прятать от государства. Только одно не понятно им: зачем вдруг признался?

Расспросили о факте наличия, правдоподобно все дед рассказал, описал как есть две бутылки — по форме, конечно, таких в пищепроме не делают. Царские!

Эх, дед, дед, чего же ты раньше не заявился? А вот, случись, помер бы вдруг. Или бы дом под снос: ты хвать за бутылки и вот с поличным попался бы!

Дед был толковый, в усы ухмыляется, чего ему, деду, теперь бояться, кому он нужен? Когда вон, из телевизора видно: настоящих разбойников развелось, не переловить и вовек. Да не по две бутылки, машинами тащат, а то вот учудили — извели сотни тысяч пудов за границу золотого металла, а виновников не нашли, и брешут там, что концов не сыскать. Словом, ничуть не обиделся дед на вопрос и спокойно ответил:

Я все ждал, ждал, пока наши придут, не дождался.

Милиционер развеселился.

Ты, дед, погоди, разве не видишь, что в России творится? «Твоих» «наших» полно уж не то что здесь, на Урале, а и в парламенте. Вот царя на место вернут, доставай свое золото и живи — не хочу!

Тем временем уполномоченный, закрывая очередной лист протокола, стал собираться выехать к деду, проверить наличие бутылок. На дворе хоть демократия, а власть она все же советская. Сигнал поступил — реагировать надо, да и дело веселое: в газету можно попасть.

Ну, пошли, дедушка, отдавай свое добро государству!

«Вот, вот! Государству! А мне уж «живи - не живи», а время пришло помирать. Будут мне деньги на гроб, на могилку. А земля — она едина теперь для меня, хоть при царе, хоть при власти инакой. Все уж одно!» Вот такая история с дедом.

Или вот рассказ геолога Пласта.

Приходит один ко мне:

«До революции, — говорит, — обнаружил я, гражданин-товарищ, золотокварцеву жилу. Ох, и богата была! Проглотить бы ее тем же летом, а тут революция, а осенью пришла власть большевистская. Я закопушку-то уже был» начал, да вдруг, раз такое — присыпал. Чтоб и ни тем, и ни тем не досталось — ни красным, ни белым, что царя не спасли. Никому ничего не говорил, ни одной родимой душе, вот хоть крест положу»...

Ладно, верим, не сомневайтесь. — А тот уж богато крестится, во всю грудь и на углы косится, видно ищет иконы. Вздыхает, блуждая по пустоте углов, отводит взгляд в окно: «Стар я стал, ну и вот... Поехали уж, покажу, что ль? — Привозит на место. — Вот тут, — говорит и показывает. Следы старой закопушки видны налицо. Почти как и в прочих — наслежено всюду, — но старик в той уверен. — Точно — моя!» — убеждает. Я отколол геологическим своим молотком от породы, глянул: видимого золота нет. А врал, что богата жилешка, что сам золото видел, — думаю и говорю: — Спасибо вам, обязательно этим займемся. Поезжайте домой, если что, сообщим, вы уж не сомневайтесь.

Я забрал образец, сдал в химлабораторию Грабовскому. Он сделал анализ, и тот показал: в руде до пятидесяти граммов на тонну! Факт серьезный! Что дальше? Прошли шурфы, и оказалось: вся жила длиной метра два, не более, да в палец всего толщиной, глубина же ее метров десять — и все! Выклинилась вся как есть, то есть кончилась и пропала бесследно. Я потом тому человеку открытку послал: так и так, мол, уж вы извините, но богатство ваше не состоялось.

Вот такая история... Похожая на другие. Как правило, все они оканчиваются, одинаково, если не считать уникального случая находки тьелгинского гнезда самородков, на которое указывал дед Булдашев, да что нашла известная всему Уралу бригада Сурова из Миасса, где за два дня было извлечено... Впрочем, история эта известная, что повторяться?

А вот история о том, как нас, геологов, подозревало в хищении ОБХСС. Стал к нам захаживать представитель отдела, то придет раз в месяц проверить, а то и два раза, спрашивает осторожно: как промывают, мол, золото? Как хранят? Как с 'ним работают? Какие формы ему придают? И вот так подряд несколько месяцев... Наконец, спрашиваю его осторожно:

Все же можно узнать, что случилось? Ведь мы понимаем, что это все неспроста.

Поговорили, и он признается: у одного из пластовских жителей найден драгоценный металл, скатанный, видишь ли, в тонкие проволочки золотые.

В проволочки? — я удивился. — И кто их плетет? — спрашиваю серьезно.

— Гражданин «Н» связан с Читой или Иркутском... — берет мой тон, и даже серьезней, уполномоченный. — Наше золото, предполагаем, могло оттуда, из Иркутска или Читы, идти в Москву, а оттуда и в ... Турцию!

Вот так детективная история! С трудом во все это верилось. И я возьми да и ляпни ему:

Если вам надо узнать, чье это золото, достаточно дать нам на анализ кусочек, и мы вам скажем, откуда оно. Все очень просто!

Он посмотрел на меня очень странно: понял, что я посчитал его идиотом; что, он сам не знает, что ли, как им там поступать?

Ушел он и больше никогда не появился, а веда остается загадкой, отчего так долго представителей ОБХСС мучил этот вопрос? Конечно, у них свои тайны, но мы могли бы помочь, ведь наше кочкарское золото достаточно высокопробное — от 650 пробы до 900-й! А на северо-востоке, скажем, в Якутске и Хабаровске гораздо ниже: там есть 700-й и 800-й, а 900-й пробы нигде практически не встречается. Почему нас проверяли! У нас в процессе разведки месторождений накапливается за пять лет до полкило золота. Но все оно строго учтенное, все в пакетах. И на каждом отмечено: это взято с такой-то глубинки, это оттуда-то. Как только пустят месторождение в эксплуатацию, мы все это золото ссыпаяем в общую кучу...

История не ахти какая, да других не придумано. Красивы они бывают часто в легендах.

* * *

В декрете СНК от 31 октября 1921 года «О золотой и платиновой промышленности» указывалось на особо важное государственное значение подъема золотодобывающей промышленности. В 1926 году состоялся съезд работников этой отрасли, который разработал развернутые мероприятия по восстановлению и механизации золотодобывающих предприятий. Богатые золотосодержащие россыпи были открыты в 1923 году в Алданском районе, в 1930 году там же — коренные месторождения, в 1928 году — Балеysкое месторождение, положено начало открытию многочисленных крупных россыпей в бассейне реки Колымы. В 1933 году были открыты Джугджурский и Индигирский золотоносные районы, в 50-х годах — Чукотский район. В старых золотоносных районах Урала, Ленской тайги, Приамурья, Приморья, Енисейского края были открыты многочисленные россыпи и получен существенный прирост запасов на крупных коренных месторождениях. В 60-е годы будут открыты крупные коренные месторождения в Средней Азии, Казахстане, на Кавказе и Дальнем Востоке.

Золотодобывающая промышленность превратится в технически оснащенную отрасль промышленности с применением современной высокоэффективной техники, мощных бульдозеров, экскаваторов, драг, гидромониторов и с новыми обогатительными фабриками с законченным циклом. Начнут расти приисковые и рудничные города с высококвалифицированными кадрами.

Это — история, в ней, видимо, все так и есть, ибо это проверено временем и, значит, это уже факт современности.

После окончания гражданской войны, с наступлением нового общественного строя все более говорится об общем благе российском, уходят в прошлое имена единоличников, частных, они осуждаются; уже с опаскою, с какой-то виноватостью произносятся на Кочкаре названия «Козицинский», «Ольгинский», «Юльевский», «Мариинский», «Жуковский», «Андреевский» прииски — все рядом с «сиреневым садом», где начали добывать золото в том, царском веке, 135 лет назад. Не скажут вслух: что, мол, там, на «Пророко-Ильинском» прииске, а скажут; да там вот, где находили рубины, топазы. Не скажут вслух: что «Аверьяновский» прииск, а скажут: да вот, помнишь, где Аверьянов-то огородил землю дерновым забором в полверсты каждая стена. Не скажут: рудник «Покровский», а скажут - где в шахту люди лазали по лестницам, а, подавая сигналы, дергали за серебряную проволоку, привязанную к железному молотку на копре. «Ну, помнить должен!» — «Да помню, помню, еще ходили смотреть: правда что ль, что серебряна-та!» — «Вот-вот...»

Вспоминали старое время, хвалили, ругали, а шли работать туда, куда брали. При любой власти надо кормиться.

С началом гражданской войны кочкарские горняки, глядя на разрушенные, затопленные «белыми» и иностранцами-хозяевами шахты, искали работу, где бы она ни была: на угольных копях работы осталась часть малая, еще продолжал слабо дышать прииск Воскресенский, где обрзовалась артель по ремонту сельхозмашин.

Лет десять потребуется еще, пока страна отойдет после долгой болезни, разрухи и продолжительного голодания. Голод был на все: на железо, на золото, на машины. Золото диктатуры пролетариата хоть и было отвоевано в количестве, видно, не малом, требовало своего пополнения для казны. Трезвые умы бросали остатки его на закупку у иностранцев новейших машин — для добычи того же золота. Насосы и дробилки, компрессоры и перфораторы, электрооборудование — все это появилось на Урале. Америка, Англия и Германия за золото уступили все это Советам.

Не «фазу войдут в строй знаменитый «Уралмаш», Московский компрессорный, Ленинградская «Пневматика», перфораторный в Кыштыме и появятся свои машины и свое оборудование.

Часть пианов горных работ увезли, уничтожили. Советского строя специалисты вспомнили о книге инженера-геолога Н.К. Высоцкого «Месторождение золота Кочкарской системы на Южном Урале», получив возможность увидеть по ней описание сотен золотоносных жил, попробовать к ним подступиться. А было пора. Пора.

После Октября добыча золота не производила^ до 1921 года. В 1921 году в районе Пласта работали только одни старатели, добывшие за год всего 6,8 килограмма металла;

В те годы управляющий округом Кочкарских приисков В. Ф. Бауман сообщал руководству «Уралзолота»: «...Работы по добыче золота как рудных, так и россыпных месторождений, производятся исключительно старательским способом и то только мелкими артелями, работающими на общестарательских основаниях, без заключения специальных договоров». Старатели просто-напросто побаивались насаждаемой новой властью жесткой дисциплины. Они не желали поэтому вступать в профсоюз. Надеясь на «авось», пытали свое счастье сами. Но большая часть их в то голодное время ушла в хлебоборбы. Тем не менее при райисполкоме в Пласте была создана комиссия помощи голодающим. В 1922 году ею отмечено, что «многие нуждаются в дополнительном питании». В акте от 12 февраля записано, что, «если четвертой части населения не будет увеличен паек хотя бы на четверть, могут произойти массовые смертельные исходы».

Россия с трудом выправлялась после потрясений первой мировой и гражданской войн. В 1923 году промышленная продукция составляла лишь 35 процентов к довоенному уровню. Тогда-то остро и встал вопрос об источниках накопления и об отказе от заграничных займов для расширения производства золотодобывающей отрасли и не в последнюю очередь на Кочкаре. Правда, еще раньше, в 1920 году, технический отдел «Уралзолота» составляет проект реконструкции Кочкаря. Но отсутствие технической и энергетической базы, затем неурожай и голод вместе с разрухой — все это не дало возможности осуществить данный проект. Да ведь и поднять почти полностью разрушенное широкое хозяйство Кочкаря было делом совсем не легким. После гражданской войны оставались тут полуразрушенное деревянные надшахтные постройки, в совсем плачевном виде корпус Антоновского завода, большая кирпичная труба силовой станции с несколькими кирпичными зданиями вокруг нее. И это после 75 лет работа приисков!

Только очень много рабочих рук могло навести здесь порядок. Советы постепенно собирают повсюду специалистов- горняков. Тем временем стихийно возвращаются в родные места бывшие горняки, разъехавшиеся в разные места в период прекращения золотодобычи, в том числе бывшие фронтовики. Пласт начинал жить напряженной трудовой мирной деятельностью. Всем миром взялись восстанавливать затопленные шахты. Главную заботу на первых порах возрождения представлял, конечно, мощный, некогда современнейший на Южном

Урале Антоновский завод, построенный французами с расчетом переработки 400 тонн руды в сутки.

От тою Антоновского завода (по имени одного из владельцев) мало что сохранилось. Деревянные сходни, леса, небольшие бегуны — чилийские мельницы — все надо создавать заново, кое-что обновлять. Он должен работать для Советской власти! Эксплуатация его принесла капиталистам хорошие барыши, новая технология, внедренная до 1914 года, увеличила извлечение золота из руд до 95 процентов, а обработка руд велась круглый год, хотя до этого везде эфели обрабатывались химическим путем только летом. Хорошо работал завод, и жить бы ему, если бы в 1914 году с началом империалистической войны не прекратилось поступление реагентов цианистого калия из Германии, цинка из Бельгии. В отчете 1915 года о состоянии золотой промышленности на Урале было записано, что стальное литье для Антоновского завода (футеровка и шары) поступало из Америки, в войну пришлось обратиться за помощью к Уральским заводам — в Златоуст, Пермь, Сим, Кыштым. В конце концов, после длительной агонии работы прекратились. Восемь лет дверь и окна цехов оставались заколоченными; на карнизах зданий проросли березки...

И вот сюда хлынул поток молодых энтузиастов, цехи освобождались от хлама, изувеченного оборудования, кое-что тут же доставлялось взамен. Но главная надежда оставалась на старых мастеров и новых инженеров. Они изучали чертежи, налаживали по схеме технологические цепочки.

В 1924 году завод частично пустили — для обработки эфелей старых отвалов. По железным дорожкам со всех концов потянули» сюда на лошадях вагонетки с песком — на «Артем-завод», ибо в том же 1924 году заводу присваивается имя большевика Артема (Ф. А. Сергеева). Имя «Антоновский» для большевиков стало трудно перевариваемым. Советы косились и на старых специалистов, хотя держали их за неимением новых. Но знали, что пройдем срок, и рассчитают интеллигентов с белыми воротничками. Нужны были свои, пролетарские кадры. Для рабочих в 1924 году было открыто Горнопромышленное училище, которое стадо готовить для рудников электромонтеров, машинистов компрессоров и водоотливов.

Эго было начало. На Кочкарь правительство возлагало главные свои надежды по добыче драгоценных металлов — как золота, так и серебра, коего здесь оказалось тоже немало. В 1925 году после специального московского совещания началась серьезная работа по восстановлению Кочкаря. В том же году в Пласт была направлена комиссия ВСНХ для изучения состояния дел на месте. Ее оргвыводы во многом способствовали восстановлению рудников в той части, где речь шла о немедленной поддержке материалами и оборудованием. Первыми пробивались такие шахты, как «Красная», «Октябрь», «Покровка», а к 1926 году были восстановлены шахты «Первомайская» (бывшая «Екатерининская») и «Успенская». Но крупные шахты в Ново-Троицке — «Партизан» («Алекسانдро-Невская»), «Козловская», «Никольская», «Удачная» — еще стояли затопленными.

В 1926 году в Кочкаре был организован комбинат «Кочкарьзолото». Комбинату дано задание при участии Геологического комитета провести разведку и начать промышленное освоение Шершневского золотомышьякового месторождения. Это обуславливалось тем, что для станкостроения, машиностроения и развивающейся медицины нужен мышьяк. Тщательная разведка на Кочкаре показала, что наиболее перспективной здесь является шахта «Никольская».

Для ее откачки не хватало электроэнергии. Местная электростанция состояла из нескольких старых изношенных машин: оставшиеся от французских хозяев дизели, локомотивы, паровая машина, две небольшие турбины. Однако механизмы работали нестабильно, часто простаивали из-за неполадок. По этой причине, да и по тем, что были связаны с сложными геологическими условиями, шахта восстанавливалась с очень большим трудом. Большой энтузиазм в ее восстановлении проявили многие специалисты и рабочие: Илья Фомич Паршин,

Дмитрий Ефимович Сырцев, Александр Петрович Угрюмов. Здесь дни и ночи неустанно трудился заведующий горными работами Григорий Петрович Балдин с главным инженером Алексеем Ивановичем Цыплухиным.

Откаченная шахта, вступившая в строй в 1933 году, стала называться «16 лет Октября». Ее трудовой коллектив отныне вносил весомый вклад в добычу ценного сырья и металла.

Со времени возникновения комбината «Кочкарьзолоте» в течение пятилеток добычу золотоносной руды здесь осуществляли, во-первых, государственный сектор с объемом добычи металла до двух третей от общего уровня золотодобычи; во-вторых, -старательский сектор, на который приходилась остальная часть добываемого металла; кроме того, наращивала мощности база по переработке руды — завод имени Артема, в котором работало до 400 человек, летние эфельные заводы Булдаковский и Артемовский, занимавшиеся переработкой отвалов предшествующих десятилетий (и, надо сказать, оттуда возьмут сотни килограммов золота, особенно интенсивно в военные годы).

Бывшие выпускники горных институтов заключают, что лекции о капиталистах-хищниках были во многом надуманы в той части, где говорилось, будто не думали те о потомках. Как раз наоборот — советские золотодобытчики планового хозяйства получили отлично сохраненные отходы производства, расчетливо оставленные для тех времен, когда новые чуткие машины по новой технологии смогут получить золото из этих отвалов, которых на территории Кочкаря скапливалось очень много.

Государственной добычей золота занимались до войны Северный и Южный рудники. Старательские работы объединило Кочкарское приисковое управление. Таким образом, в состав комбината «Кочкарьзолоте» входили государственные шахты, КПУ, Артем-завод; производственная база комбината располагала механическим цехом с литейной, силовой станицей, лесопилкой и транспортным цехом.

Ново-Троицкий рудник работал отдельно, подчиняясь Наркомату химической промышленности и вырабатывая, главным образом, мышьяк для индустрии.

Главные цехи Кочкаря находились еще в стадии становления, когда к 1927 году руководство комбината увидело, что еще несколько месяцев работы... и все остановится. Оно обращается в «Уралзолото» за немедленной помощью: только новое оборудование может спасти положение, все резервы исчерпаны!

Действительно, горное дело часто требует подкрепления свежими силами, мощностями, а руды на Кочкарском месторождении крепкие, механизмы изнашиваются очень быстро, их необходимо менять и постоянно ремонтировать. По причине нескончаемых ремонтов фабрика работала на пределе, а в иные периоды становилась самым узким местом в работе предприятия.

К 1927 году все старые эфели, они же – «эфеля» - с высоким содержанием золота были переработаны, и завод совсем остановился. Нужна полная его перестройка для дальнейшего извлечения золота из твердых руд.

В это время вышло решение Советского Правительства о восстановлении кочкарских приисков. Следовательно, вскоре можно было ожидать крупных финансов! отчислений на нужды возрождения «Большого Пласта», лишь в 1928 году старый проект реконструкции утвердят с поправками, и Кочкарь вступает в полосу своего действительного возрождения. Параллельно с возрождением и развитием золотодобычи при поддержке Наркомтяжпрома для работки золото-мышьяковых жил также отпускаются дополнительные средства.

С 1928 года на Кочкаре работает управление «Уралзолото» с техническим отделом — разработчиком проекта большой реконструкции, в планах которой полное восстановление кочкарских рудников. Месторождение должно было со временем стать одним из мощных механизированных предприятий отрасли. Правительство выделяет деньги на заграничное оборудование, оно в срочном порядке завозится в Пласт, пока еще немного, главным образом, для ремонта, откачки воды затопленных шахт.

С помощью импортных насосов откачивалась восстановленная в 1928 году крупнейшая шахта «Маргарита» (позже имени Фрунзе). В 1929 году началась углубка шахты «Октябрь». В 1930 году за двадцать дней произвели откачку шахты «Стенлей» (имени Ленина).

Сдается в эксплуатацию обновленный завод имени Артема. На этом предприятии в разные годы трудились и ученые. Это профессор А. А. Головнин, который неоднократно приезжал в Пласт и давал коллективу завода ценные советы. Это инженер Е. А. Совари, впоследствии заместитель директора НИГРИ-золото. Выразил участие к нуждам Кочкаря и американский ученый Хас, который у себя в Соединенных Штатах описал Аргем-завод в журнале «Майнинг энд металллом». За диссертацию о заводе получил звание кандидат технических наук директор НИГРИ-золото инженер Стахеев!

Уже привычны в Пласте названия «Ленинка», «Красная»! «Октябрь». Вскоре появится шахта им. К. Маркса... Такие! необычные для старожилов имена получили шахты от новых! владельцев России, прогнавших царя, разгромивших хозяев, заодно, конечно, и тех, кто болел душой за все эти шахты за русское золото и скрылся — в небытие или же за границу! Названия все партийные. И недаром. Немало работало тут большевиков еще до 1917 года. Что стоит один только выпускник Екатеринбургского горного училища, горный техник Ф. Ф. Сыромолотов, большевик с партийной кличкой «Фомич», он имел на Кочкаре прииск Покровский Андрее-Юльевской группы, доходы которого шли в партийную кассу большевистской партии.

Год от года в делах ударных будней по развитию Кочкаря подрастала молодежь, она все больше тянулась за коммунистами, шла в комсомол. Обещано светлое будущее, а зачем им не светлое? Так и выходило, что все, что позади — тьма. Выбора не оставалось, росла новая серьезная смена советских рабочих людей. На восстановлении шахт, завода и цехов комбината «Кочкарьзолото» работали настоящие ударники первой пятилетки! Такие, как братья Гафе и Исмагил Аюповы, Хабир Шингареев, Андрей Евдокимов, Василий Умрилов, Николай Шибакин, Максим Сундырин, Загрудин Мухамадеев, Зиятдиновы, Исмагил Равилов и такие авторитеты-горняки и механики, как Александр Михайлович Павлов, Андрей Петрович Кузнецов, Гавриил Кондратьевич Дураков, Дмитрий Иванович Саломатов, Николай Петрович Дашков и другие.

Комбинат уже манил к себе многих из тех, кто работал на других объектах города. Их были сотни, кто получил профессию углубщика, бурильщика, откатчика. Так, в 1929 году пришел на шахту имени К. Маркса Михаил Титович Эксимеев. Бывший каменщик, он овладел профессией бурильщика и вскоре стал примером для других, потом он станет мастером и отдаст своей шахте всю жизнь.

Разумеется, в условиях общего трудового энтузиазма первых пятилеток заводилками в труде являлись коммунисты. В начале 30-х годов их в Пласте насчитывалось несколько сот человек. Неудивительно, что с тех пор, как стали известны успехи Стаханова, горняки Кочкаря одними из первых поддержали призыв партии следовать примеру рожденного народного рабочего героя. Один из старейших работников на Кочкарских приисках, бывший бурильщик Яков Федорович Комаров вспоминал, что на шахте «15 лет Октября» в тот день прошло торжественное собрание, на нем было принято решение подхватить стахановский почин, взять повышенные социалистические обязательства. «Бригад тогда не было, поэтому составили договор на весь коллектив. Каждый ставил под договором свою подпись. Некоторые брали индивидуальные обязательства, они всегда были повышенные», — свидетельствовал он. Люди очень ответственно относились к своим обязательствам и старались повысить производительность труда. В. Ф. Комаров выполнял на бурении сначала полторы нормы за смену, потом больше; не отставали от него и В.И. Федоровский, В. П. Кузнецов К. В. Евдокимов, даже электрик А. Я. Жерков стал стахановцем. Отныне это должно было стать необходимым для рабочих самых разных профессий.

Участники стахановского движения 30-х годов отмечали, что они остро реагировали на подведение итогов в конце каждой рабочей смены. Нормировщики заносили итоги на Доску показателей, тут же рядом писали, кто сколько заработал. Очень действовала Доска показателей на людей. На шахтах регулярно проводились вечера стахановцев, победителям соревнований вручались подарки: отрезы материала, обувь.

Формировалась крепкая трудовая дисциплина в эту пятилетку. Горняки являлись на работу за полчаса, быстро проходила «раскомандировка», и к назначенному времени каждый находился на своем рабочем месте, чтобы к концу смены убедиться: план перевыполнен по-стахановски. Первыми победителями стахановского движения стали на комбинате бурильщики старательской артели имени Володарского Петр Егорович Башкирцев и Петр Никифорович Ивойлов, крепильщик шахты «Красная» Яков Семенович Демин, каменщик ремстройучастка Сабирзян Серазетдинов, слесарь автогаража Иван Петрович Мазин, кузнец шахты имени Фрунзе Владимир Титович Богдан, шофер автогаража Иван Петрович Павлов. Среди стахановцев-женщин — откатчицы шахты «Октябрь»»; Анна Ивановна Сюпаева и Мария Степановна Петрова, токарь автогаража Зоя Семеновна Вяткина, дробильщица завода имени Артема Елена Никандровна Плотникова, штукатур ремстройучастка Пелагея Анисимовна Дровелева.

Энтузиазм строителей новой жизни помогал добиваться невероятно высокой производительности труда. На шахтах в Ново-Троицке забойщик Яков Лукич Павличенко перевыполнял нормы по бурению на 750 процентов! Забойщики Ромазан Гильманов, его товарищ Николай Николаевич Пинчук, забойщик Георгий Васильевич Карелин отбивали за смену по полторы-две нормы. Таких «двухсотников» были десятки человек.

Ветераны Кочкаря вспоминают удивительный пример, который хотел показать директор шахты Кирилл Поликарпович Собачкин. Подобно Шолоховскому Давыдову, он засучил рукава, желая доказать, что сам черт ему не брат, и спустился в забой, где бурильным молотком БМ-18 выполнил свыше одиннадцати норм и только после этого вышел на поверхность еле живой. Участие в стахановском движении было выражением патриотизма, стремлением быть активным участником индустриализации страны.

Вместе с тем производительный труд давал людям материальные блага: передовики производства неплохо зарабатывали. Улучшилось снабжение в магазинах. Жизнь горняков

становилась более обеспеченной. Горняки, однако, жили недолго — часто умирали в 45-50 лет, особенно те, кто всухую бурил в забоях, дышал кварцевой пылью почти всю жизнь. Рабочие мечтали о лучших условиях труда, о хорошей технике.

В 30-х годах стали выпускать свою продукцию Уралмаш, Московский компрессорный завод, в Ленинграде завод «Пневматика», Кыштымский перфораторный. Отечественные машины прочно занимали место в горняцких забоях. На Кочкарь пошел ток по линиям электропередачи от Челябинской ГРЭС.

Город стал застраиваться интенсивней, появилось мною новых бараков и индивидуальных домиков. Строятся капитальные кирпичные здания. В 1925 году в поселке построено двухэтажное кирпичное здание новой больницы на 80 коек с отделениями: хирургическим, терапевтическим, родильным, инфекционным. В деревянном здании размещалась поликлиника, рассчитанная на 100 посещений в день.

К 30-м годам Пласт становится уже не только промышленным, но и административным центром Кочкарского района; по постановлению Уральского облисполкома от 20 февраля 1921 года в него, кроме Пласта, входили населенные пункты с сельсоветами в Ново-Троицке, Кочкаре, Чуксе, Новом Кумляке, Демарино, Кособродке, Верхней Санарке, Тогузаке, Поляновке. Кочкарский райисполком подчинялся Троицкому окрисполкому, после ликвидации округа — непосредственно Уральскому облисполкому.

В 1931 году стала издаваться местная газета «На штурм», Которая с 1936 года стала называться «Кочкарский рабочий». Проходит всеобщее образование взрослого населения, развиваются народное

образование и здравоохранение. В 1933 году создана санитарная служба. По итогам областного смотра в 1934 году Пластовская больница признана образцовой. Горняки получили хорошую базу для лечения и профилактики заболеваний.

В 1935 году в общеобразовательных школах района училось 3400 детей. Для рабочей молодежи был открыт рабфак. Многие после его окончания продолжали обучение в техникумах и вузах страны. Сын горняка Ахмет Сабитов после окончания рабфака в Пласте учился в Свердловской Промакадемии, после нее работал начальником Северного рудника.

Для многих людей жизнь менялась в лучшую сторону, кто-то обретал то, о чем прежде и не мечтал. Жизнь сотен старателей получила новое дыхание, но еще многого не хватало в повседневной заботе о своем быте, многие ютились в землянках или наскоро сколоченных бараках (до сих пор в Благовещенске сохранились эти старые постройки 30-х годов).

Но люди жили надеждами на будущее. Им ярко светили окна клубов имени Володарского, Ленина, Калинина. Здесь собирались семьями, а руководители комбината не упускали случая, чтобы объявить о каком-нибудь очередном достижении коллектива предприятия. А достижения были — и очень? заметные!

Начиная с 1935 года шахты и рудники Кочкарской системы стали давать большое количество металла. Параллельно развивалась добыча мышьяка. По распоряжению Наркомтяжпрома для получения мышьяка был построен новый обжиговой завод.

В столице постоянно следили за работой кочкарцев, и, конечно, — председатель правления «Цветметзолота», заместитель наркома тяжелой промышленности А. П. Серебровский. Однажды он лично побывает в Пласте.

Чтобы возродить старые золоторудные шахты и вообще создать свой порядок в промышленности, в стране, начинавшей почти все с нуля, руководить работой должны были старые проверенные партийцы. Встал и вопрос: кому можно поручать возглавить работу золотой промышленности? Такого человека предложил Г. К. Орджоникидзе. По его мнению, этим требованиям отвечал Серебровский Александр Павлович, возглавлявший уже «Азнефть». С 1926 года он становится заместителем председателя ВСНХ, затем — в президиуме этого органа и, наконец, — председатель правления «Цветметзолота» (с 1931 по 1937 год был одновременно заместителем Орджоникидзе).

В годы руководства Серебровского в стране была разрешена и причем широко поощрялась наряду с государственной старательская золотодобыча. Разрешалось работать и семьями. Распространена стала «собиранка», чтобы подключить к важнейшей работе женщин и подростков. Работа для них отводилась, в общем, нетрудная: набрать из отвалов крупных шахт руды воз-другой и свезти на бегунную фабрику. За несколько добытых граммов золота получали «боны». И семьи понемногу прибавляли к достатку: приодевались, обували детей, доставались им и редкие продукты. А для старателей государство не жалело дефицитных товаров: нужно было, чтоб стабильно пополнялся валютный запас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.